

DOI: 10.15584/sofia.2018.18.13

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Анастасия Чейз

Жешувский университет

Топологическая модель философии Жюлья Делёза в соотношении с исторической моделью

Topologiczny model filozofii Gilles'a Deleuze'a wobec modelu historycznego

На страницах предлагаемой статьи предпринимается попытка схематического изображения специфики топологической модели философии Жюлья Делёза и выяснения её соотношения с традиционной исторической моделью, которая исходит из принципа единства логического (мышления) и исторического (бытия) и в соответствии с которым философия может состояться исключительно в виде истории философии. Другими словами, предпринимается попытка ответа на вопросы: в каком отношении находится история философии и так называемая геофилософия, какие концепты она внедряет в философский дискурс и какие последствия это имеет для понимания процесса философствования и деятельности историка философии.

Рассмотрение метафилософской модели Делёза с точки зрения её происхождения в перспективе может оказаться достаточно полезным для целостного, насколько это вообще возможно, восприятия его взглядов. Среди главных источников философии Делёза следует вспомнить трансцендентальную философию И. Канта как начало критического проекта философии и генеалогическую философию Ф. Ницше как его продолжение. Ницше-анская генеалогия, продолжая критику персонального трансцендентного с позиций трансцендентальной имманенции, на место трансцендентного Бога поставила трансцендентального человека, превосходящего то, что человеческое в человеке. Предпринятый Кантом сдвиг от классической метафизики как понятийной репрезентации идеи трансцендентного в сторону трансцендентальной философии как понятийной репрезентации идеи имма-

нентного послужило толчком к возникновению делёзианского трансцендентального эмпиризма. Предмет трансцендентальной философии Канта – познание условий познавания объектов – французский постмодернист трансформировал в познание условий создания философских концептов.

В начале своих лекций о Лейбнице¹ Делёз в достаточно радикальный способ подчеркнул, что не видит никакой возможности определения предмета конкретной науки, если невозможно хоть как-то указать на то, что эта наука создает². Подобное продуктивистическое понимание теоретической деятельности в концепции французского философа распространяется также на его понимание заданий философии. Главным мотивом знаменитого метафилософского труда Делёза и Гваттари *Что такое философия* является обоснование предметной и деятельностной автономии философии, отделение компетенций философии с одной стороны от науки, оперирующей функциями, а с другой стороны – от искусства, создающего перцепты; представлению философии в качестве творческой деятельности. Это достаточно нетривиальное и возможно одно из немногих в истории философии истолкований компетенций философии, которое подчеркивает её креативный характер, проблематизирует связь философии с фигурой философа-автора и демонстрирует различие стратегий философствования и историко-философского исследования.

Концепты, по словам Делёза, являются исключительно авторскими интеллектуальными произведениями, которые отличаются от анонимных философских категорий, научных понятий и перцептов фигурирующих в произведениях искусства³. Каждый из таких концептов как на пример субстанция Аристотеля, *cogito* Декарта, монада Лейбница или условие Канта отсылает к определенной философской проблеме, решению которой служит и без отнесения к которой утрачивает свой смысл⁴. В так широко разветвленном компендиуме философских проблем, которым является история философии, концепты переплетаются между собой в различных соединениях. Каждый отдельный концепт имеет свою микроисторию, которую создают все его связи реализованные в ходе истории мысли. Делёз иллюстрирует это утверждение с помощью концепта Другого, который всегда является выражением чего-то возможного. Прежде всего этот концепт отсылает к Лейбницу, его теории возможных миров и монады как репрезентации мира. Далее он отсылает к модальной логике, в которой возможным мирам не приписывается реальность в соответствии с условиями их истинности. Возможные миры, как констатирует Делёз, имеют в фило-

¹ Цикл лекций о Лейбнице Делёз прочел в 1980 году в Университете Париж VIII.

² Ж. Делёз, *Лекции о Лейбнице*, пер. Б. Скуратов, Москва 2015.

³ Ж. Делёз, *Что такое философия?*, Академический Проект, Москва 2009, с. 31.

⁴ *Ibidem*, с. 22.

софии долгую историю⁵. Каждый концепт включает в себя составляющие, происходящие из других концептов, которые решают другие проблемы и предполагают наличие других планов имманенции. Каждая его составляющая может в свою очередь выступать в качестве самостоятельного концепта. По аналогии к тому как, например, концепт некой птицы может отсылать не столько к его видовой принадлежности, сколько к комбинаций его позиций, цвета оперения и пения, концепт *cogito* Декарта представляет связь таких элементов как «сомневаться», «мыслить», «быть». Первый из них может отсылать например к *epoché* Гуссерля, второй – к «мышлению дикаря» Бубера, а третий – к «просвете в бытии» Хайдеггера. Концепты являются относительными с точки зрения своих составляющих, плана имманенции, в котором выступают и проблем, которые решают. Но с другой стороны они абсолютны по отношению к месту, которое занимают в плане имманенции и условий, которые приписывают проблемам⁶. В определении соответствующего концепта ключевую роль играет его внутреннее и внешнее расположение. Первое состоит во взаимосвязи компонентов каждого конкретного концепта и создается за счет связей между отдельными понятиями, когда по крайней мере одно из них уже имеет скомпонованные составляющие. Внутренняя целостность концепта означает, что ни одна из его составляющих не может быть добавлена либо отнята таким образом, чтобы не изменился концепт в целом⁷. Поэтому необычайно важным для процесса философского творчества оказывается решение философа касательно того, из каких компонентов сконструировать концепт и среди каких концептов его следует разместить.

Делёзианский конструктивизм требует, чтобы философские концепты создавались в определенной среде, которая может обеспечить им автономное существование. В связи с этим французский философ вводит ключевой топографический элемент своей концепции: трансцендентальный план имманенции, который определяет как способ и горизонт всякого возможного мышления, в то же время противопоставляя его концепту как мысли и событию в философии⁸. Понятие имманенции означает прежде всего, что конститутивный принцип реальности не выходит за границы эмпирической данности, а располагается в ней самой. Делёз в свою очередь остерегается об опасности имманенции, которая хотя и «пожирает» богов и мудрецов, служит однако отличительной чертой собственно философского мышления⁹.

⁵ *Ibidem*, с. 24.

⁶ *Ibidem*, с. 28.

⁷ *Ibidem*, с. 104.

⁸ *Ibidem*, с. 44–45.

⁹ *Ibidem*, с. 63.

Французский постмодернист выделил три такие планы имманенции как древность, Новое время и современность. Соотнесение этих планов с ключевыми периодами классической исторической хронологии подсказывает, что план имманенции есть либо соответствующим социально-культурным контекстом в котором фигурирует та или иная философия, либо есть с ним каким-то образом связан, является предфилософским условием возникновения философии¹⁰. Плану имманенции постоянно соседствует хаос, из которого философия «выхватывает» свои составляющие. Философствование начинается с выбора, к которому философа побуждает с одной стороны неопределенность хаоса, а с другой стороны – желание реализации своего индивидуального вкуса. Нельзя сказать, что философия происходит из хаоса в смысле традиционного отношения логического следования. Философия – это конструирование, а не выведение чего-то из чего-то ещё. Такие привычные для философии логические отношения как дедукция, индукция, сетевая модель связи или системность, не смотря на их простоту, не могут послужить для адекватного понимания топологической модели философии, которая апеллирует скорее к пространственному воображению, чем к логическому мышлению.

В связи с понятием плана имманенции авторы книги *Что такое философия?* используют понятие территориализации и детерриториализации. Понятие территориализации заимствовано ими из этиологии, где оно функционирует для обозначения процессов и техник, с помощью которых живые организмы маркируют среду своего обитания и охраняют её от вторжения чужаков. Детерриториализация в свою очередь означает отказ от оседлого образа жизни, отрыв от своей территории в направлении к открытию новых земель. Детерриториализация может иметь характер имманентный и трансцендентный.

В первом случае пространство плана заселяют концептуальные персонажи, а во втором – план имманенции превращается в проекцию некоторой трансцендентной инстанции, заселенной различными мифологическими и религиозными фигурами. Укоренение в так называемой «иллюзии» трансцендентного является – как рассуждал Делёз – постоянной угрозой для философии, во избежание которой философия совершает детерриториализацию в трех выше упомянутых планах. Таким образом, каждая заметная в истории философская концепция, которая оставила после себя след в истории, начертила тем самым новый план имманенции и предложила новый стиль философского мышления. Проблематизация того, что до этого момента не было проблематизировано, означает совершение демаркации территории собственного мышления, начертания плана, который это мыш-

¹⁰ *Ibidem*, с. 49.

ление направляет¹¹. С планами древности, Нового времени и современности соотносятся три большие философские проекты: Эйдетика, Критика и Феноменология. Каждый из этих проектов создает свой тип универсалий: созерцание, рефлексию и коммуникацию. С помощью каждого из этих типов в определенное время совершались попытки определения предмета и заданий философии, но в конечном счете философия не является ни одним из этих интеллектуальных состояний¹². Иногда, как подчеркивал Делёз, философию понимают как вечную дискуссию в стиле «коммуникативной рациональности» или «универсальной демократичной беседы», но на самом деле в философском дискурсе редко происходят подобные идеальные коммуникационные ситуации. Когда один философ критикует другого, то делает это в границах его собственного плана имманенции и исходя из философских проблем, которые не в полной мере были проблемами касающимися критикуемого философа. Делёз иллюстрирует эту ситуацию с помощью метафоры переплавки оружия с целью выковать из его материала новое оружие¹³. Критика означает обыкновенную констатацию того, что прежнее понятие погруженное в новую среду теряет свои обычные составляющие и приобретает новые. В связи с этим Делёз отстаивал необходимость изменения приоритетов в философии, предлагая концептуальное творчество вместо коммуникации исторических традиций, нацеленной на создание историко-философского консенсуса. Концепты не подстраиваются и мирятся друг с другом, но друг к другу отсылают и благодаря этому претерпевают постоянные трансформации. Концептуальное творчество в особый способ ограничивается только самим планом имманенции, но сам этот план ограничен лишь относительно, поскольку предусматривает возможность появления новых персонажей, которые могут его населять¹⁴.

С планом имманенции нераздельно связан концептуальный персонаж – субъект соответствующей философии, который служит лучшему выражению определенной проблемы. Имя философа, таким образом, оказывается псевдонимом его концептуального персонажа, с помощью которого он совершает акты философствования. Философ может сказать: «я думаю как Идиот», «желаю как Заратустра» и «танцую как Дионис». Даже длительность Бергсона, как подчеркнул Делёз, требует наличие некоего «бегуна»¹⁵. Каждый концептуальный персонаж имеет черты, которые могут оживить

¹¹ О. Козырева, *Проблема взаимоотношения истории философии и философии в работах Ж. Делёза*, Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки 2016, № 1, с. 142.

¹² Ж. Делёз, *Что такое ...*, с. 57.

¹³ *Ibidem*, с. 42.

¹⁴ *Ibidem*, с. 91.

¹⁵ *Ibidem*, с. 74.

новых персонажей в границах того или иного плана. Таким образом список концептуальных персонажей в истории философии не может иметь герметический, закрытый характер. Персонажи постоянно обновляются, меняются местами и приходят на место друг друга, тем самым обеспечивая философии не только динамическую историю, но и не менее оживленную географию¹⁶.

Не смотря на то, что персонажи имеют собственное имя и носят на себе печать их создателей, они также имеют своеобразный вид бессмертности. Черты концептуальных персонажей соотносятся с эпохой и историческим контекстом, поэтому их можно оценить только через психосоциальные типы. Тем не менее, физические и интеллектуальные движения психосоциальных типов, их экзистенциальные состояния, отрывают их от исторических ситуаций соответствующего контекста и опытов отдельных субъектов, чтоб выделить у них черты концептуальных персонажей или же событий мысли на плане имманенции¹⁷. Делёз отстаивал подход, в случае принятия которого, особенности концептуальных персонажей и их различные связи, история философии должна была бы сделать предметом своих размышлений и созидания.

Делёзианский антиисторицизм предполагает, что не существует «более ранних» и «более поздних» планов, поскольку важен не порядок их появления, а порядок их наложения друг на друга: «философия есть сосуществованием планов, а не последовательностью систем»¹⁸. С такой перспективы философский дискурс являет собой перманентный процесс становления, который имеет свое начало в истории, но в целом не может быть сведен к истории. Процесс становления должен описываться и объясняться средствами не истории философии, а своеобразной географии, которая элиминирует из философии всякую необходимость в пользу случайности. Становление имеет географический, а не исторический характер, для него важно не начало или конец, а пространство для творческих преобразований концептов. Критически обращаясь к категории необходимости, Делёз вероятно подразумевал её Гегелевскую версию. Немецкий идеалист постулировал однозначно определенное начало философии, которое с необходимостью содержит в себе идею её конца, который должно ознаменовать создание целостной и универсальной системы знания, к званию которого собственно и претендовала феноменология Гегеля¹⁹. Делёз обратил внимание на то, что философия есть не „эпохой, охваченной в мысли“, в которой последовательность философских систем соответствует последовательности произведения

¹⁶ *Ibidem*, с. 19.

¹⁷ *Ibidem*, с. 93.

¹⁸ *Ibidem*, с. 78.

¹⁹ Г. Гегель, *Лекции по истории философии*, т. 1, Санкт-Петербург 1993, с. 96.

логических определений идеи²⁰. Наоборот, для Делёза философия несвоевременна для каждой эпохи. Модель истории философии как последовательности систем во времени не допускает никакого внутреннего плюрализма философии²¹. Философия в представлении Гегеля есть едина для каждой эпохи, а все её различия являются экземплификациями одного конститутивного принципа, которым есть исторический разум²². Философские системы таким образом являются историческими выражениями категорий, предлагаемой им логики: категория бытия например появилась в школе элеатов, становление – в учении Гераклита, а сущность – в концепции Платона.

В противоположность гегелевской стратегии сведения философии к истории, делёзианская модель философии предполагает плюрализм концептов, их сосуществование, которое обеспечивается специфической темпоральностью, в которой временная структура истории философии не совпадает со структурой реального исторического времени. Рассуждая о философии, следует говорить о специфическом стратиграфическом времени общего сосуществования, в котором «до» и «после» не исключаются, а накладываются друг на друга²³.

Жизни философов в биологическом и социальном плане подлежат исторической хронологии, но произведения их философской жизни и имена их концептуальных персонажей не подлежат привычным законам временной последовательности событий. С особенностей делёзианской модели философии как творческой деятельности возникает его противопоставление компетенций философии и истории философии. Такое противопоставление можно понимать как некий вызов распространенной в наше время практике отождествления заданий философа и историка философии, при котором историко-философская реконструкция представляется как подлинное философствование. Определяя философствование как конструирование чего-то нового, деятельность не зависящую от исторического багажа, Делёз с одной стороны конкретизировал критерии «бытия философом», но с другой стороны повысил требования по отношению к философской активности. Историко-философская реконструкция с такой точки зрения может называться философией только тогда, когда выполняет главное требование: создает и внедряет в философский дискурс новые и оригинальные концепты, которые могут послужить целям решения философских проблем.

²⁰ *Ibidem*, с. 92.

²¹ М. Тарасюк, *Модели историко-философской темпоральности Г.В.Ф. Гегеля и Ж. Делёза: сравнительный анализ*, Философия и социальные науки: Научный журнал 2009, № 2, с. 21.

²² Г. Гегель, *Лекции по истории философии*, т. 2, Санкт-Петербург 1993, с. 571.

²³ Ж. Делёз, *Что такое ...*, с. 69.

Философия не может быть сведена к собственной истории прежде всего потому что постоянно отрывается от истории чтоб создавать концепты, которые хотя и остаются в истории, однако напрямую из неё не проистекают²⁴. Французский постмодернист подчеркивал, что мыслить означает экспериментировать. В свою очередь история является совокупностью условий, которые делают подобные эксперименты возможными. Однако само экспериментирование есть не историческое, а философское. Поэтому не существует никаких внешних (например социальных и политических) для концептуального творчества²⁵. Только история философии может исполнять ограничительную функцию по отношению философии, постулируя требования широкой и исчерпывающей историко-философской реконструкции вместо непринужденного процесса самостоятельного философствования для каждого, кто претендует на звание «серьезного философа».

Таким образом, процесс философствования в том виде, в котором его представляет Делёз, состоит из трех комплементарных действий: начертания плана имманенции, создания концептуального персонажа и концепта. Каждое из этих действий отсылает к фигуре философа-автора, который владеет необходимыми для этого умениями. Критериями оценки каждого из трех измерений философствования – того, адекватно ли была сформулирована проблема, может ли в её решению послужить соответствующий концепт и имеет ли концептуальный персонаж потенциал для дальнейшего существования – выступают остальные два измерения²⁶. Поскольку каждая из этих активностей не может быть сведена к двум другим, процесс философствования состоит в их взаимной адаптации. Способность к такой адаптации Делёз собственно и назвал вкусом. В философии, подобно как и в искусстве, даже уродцев и карликов нужно рисовать со вкусом²⁷. Он является своеобразным философским *fatum*, который определяет то, что определенный философ замечает именно ту, а не иную проблему, оживляет того, а не иного концептуального персонажа и создает тот, а не иной концепт. Вкус является внерациональной способностью делающей возможным философское творчество. Успех либо поражение концепта в решении философской проблемы определяет не регулятивная идея истины, подкрепленная соответствующими теоретическими основаниями, а такие категории как «интересное» и «достойное внимания». История философии оказывается совсем не интересной, если не ставит себе за цель «оживить» привычный концепт, «сыграть» его по-новому, на новом плане и в новых связях²⁸.

²⁴ *Ibidem*, с. 111.

²⁵ *Ibidem*, с. 129.

²⁶ *Ibidem*, с. 96.

²⁷ *Ibidem*, с. 90.

²⁸ *Ibidem*, с. 97.

Историк философии, совершая реконструкцию, видит в истории философии определенные проблемы; выясняет мотивы создания именно того, а не другого концепта; открывает то, какие концептуальные персонажи помогают ему выразить эту проблему; какие концепты отсылают друг к другу и в границах какого плана находятся. Таким образом историк может получить уникальную возможность сотворчества с философами прошлого, если только по-новому проинтерпретирует свои задания.

В этом смысле историю философии можно сравнить с искусством портрета. Задаaniem историка состоит не в том, чтоб «написать подобное» или же повторить рассуждения философа, а «создать подобие», одновременно изображая начерченный философом план и созданные им концепты. Портрет философа написанный историком должен быть именно философским портретом: историческая реконструкция не должна повторять то, что философ сказал, а наоборот – сосредоточиться на том, о чем он в свое время умалчивал²⁹. При таком подходе нельзя утверждать об объективности такого портрета, поскольку предполагается возможность существования множества историко-философских портретов одной фигуры. Каждый историк видит другую философскую проблему и другие концепты, которые могут послужить его решению. Более того, «плохой» историк философии это прежде всего философствующий историком, который создает хорошую копию философа. В свою очередь «хороший» историк философии, совершая скрупулёзную историческую реконструкцию, создает плохую копию³⁰.

Подводя итог, следует сказать, что такие классические пространственные категории как фигура, фон, точка и горизонт в топологической модели философии Делёза превратились в такие понятия как «концепт-событие» и «план имманенции-горизон событий». С помощью них Делёз достаточно своеобразно выразил свое непринятие стратегии сведения философии к истории философии. На главный метафилософский вопрос: «что такое философия?» французский мыслитель ответил достаточно оригинально, его ответ определенно выделяется на фоне остальных известных из истории философии ответов. Философия в концепции Делёза понимается как индивидуальная творческая деятельность – конструирование концептов – в отличии от истории как реконструкции возникающих в истории философии концепций и систем. Такая модель философии может оказаться достаточно пригодной в аргументации против возражений о непригодности и последующей смерти философии, поскольку обращает внимание на позитивный деятельностно-творческий аспект не только философствования, но и историко-философских исследований.

²⁹ Ж. Делёз, *Переговоры*, пер. В. Быстров, Санкт-Петербург 2004, с. 177.

³⁰ О. Козырева, *Проблема взаимоотношения ...*, с. 149.

[знаков 22 225]

Topologiczny model filozofii Gilles'a Deleuze'a wobec modelu historycznego

a b s t r a k t

Artykuł przedstawia specyfikę topologicznego modelu filozofii oraz jego relację wobec tradycyjnego modelu historycznego, który opiera się na zasadzie jedności tego, co logiczne i tego, co historyczne. Odpowiednio do tej zasady filozofia spełnia się wyłącznie w historii filozofii. Autorka odpowiada jednocześnie na pytania: jak są ze sobą powiązane historia filozofii i geofilozofia?, jakie pojęcia ta ostatnia zakłada i jakie skutki to ma dla rozumienia procesu filozofowania i działalności historyka filozofii?

ключевые слова: топологическая модель философии; история философии; геофилософия

słowa kluczowe: topologiczny model filozofii; historia filozofii; geofilozofia

Gilles Deleuze's Topological Model of Philosophy in Attitude Toward a Historical Model

a b s t r a c t

In the article the author demonstrates what topological model of philosophy is in what relation it is to the traditional historical model, that leans against principle of historical and logical unity. According to this principle, philosophy is realized exceptionally in history of philosophy. In addition, the author answers the questions: how the history of philosophy and geophilosophy linked, what concepts do it enter and what consequences it has for understanding of the process of philosophizing and activity of the historians of philosophy.

keywords: topological model of philosophy; history of philosophy; geophilosophy

Библиография

- Гегель Георг. 1993. *Лекции по истории философии*, том 1. Ю. Перов, К. Сергеев, Я. Слинин, В. Камнев (ред.). Санкт-Петербург: Наука.
- Гегель Георг. 1993. *Лекции по истории философии*, том 2. Ю. Перов, К. Сергеев, Я. Слинин, В. Камнев (ред.). Санкт-Петербург: Наука.
- Делёз Жиль. 2004. *Переговоры*, перевод В. Быстров. Санкт-Петербург: Наука.
- Делёз Жиль. 2009. *Что такое философия?*, перевод С. Зенкин. Москва: Академический Проект.
- Делёз Жиль. 2015. *Лекции о Лейбнице*, перевод Б. Скуратов. Москва: Ad Marginem.
- Козырева Ольга Александровна. 2016. „Проблема взаимоотношения истории философии и философии в работах Ж. Делёза”. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки* 11 (1): 138–151.
- Тарасюк М. 2010. „Модели историко-философской темпоральности Г.В.Ф. Гегеля и Ж. Делёза: сравнительный анализ”. *Философия и социальные науки: Научный журнал* 2: 21–26.